

или «надсословная монархия»? // Проблемы курса истории государства и права: Исследования и материалы. Екатеринбург, 2004.

Соколова Е. С. Екатерина II и российское дворянство: из истории формирования сословной доктрины «просвещенного абсолютизма» // Историко-юридические исследования Российского и зарубежных государств. Екатеринбург, 1998.

Татищев В. Н. Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственным // Избр. произв. Л., 1979.

Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999.

Щербатов М. М. Размышления о дворянстве // Щербатов М. М. Соч. Т. 1. СПб., 1896.

Щербатов М. М. Размышления о законодательстве вообще // Там же.

Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII века. М., 1985.

В. А. Шкерин

БЫВШИЕ ЧЛЕНЫ ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ ДЕКАБРИСТОВ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В 1830—1840-е гг.

Несколько лет назад доктор философских наук С. А. Экштут предпринял любопытную попытку сконструировать вероятный ход событий в случае, если бы восстание декабристов завершилось успехом. Цепь рассуждений была доведена автором до того момента, когда победившие революционеры приходят к прискорбной необходимости подавления стихии народных бунтов [см.: Экштут, 1996, 56—62]. Дворянская боязнь новой пугачевщины, «ужасов народной революции» стала одним из краеугольных камней фундамента, на котором возводились стратегии декабристских обществ. Эти стратегии предполагали опору на узкий круг посвященных, на конспиративную организацию, будь то план создания «государства в государстве» или замысел военной революции. Но декабристы и подавление крестьянских восстаний — не слишком ли вольная фантазия? Поставленный вопрос провокационен лишь в том смысле, что в основе его не вымышленная, а реальная историческая ситуация: действительно, ряду участников декабристского движения довелось сыграть отнюдь не рядовые роли в борьбе с крестьянскими выступлениями в эпоху царствования Николая I.

События 1825—1826 гг. не привели к исчезновению людей с декабристским прошлым из политической жизни Российской империи. Из 579 человек, отмеченных правителем дел следственной комиссии А. Д. Боровковым в «Алфавите членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу», 290 были признаны чистыми от всяких подозрений. В это число попали люди либо не причастные к деятельности обществ, либо состоявшие в них (преимущественно до 1821 г.), но исповедовавшие либерально-реформаторские, а не революционные убеждения. Как правило, они не претерпели каких-либо ограничений в даль-

нейшей служебной деятельности. Из их числа вышли министры и сенаторы, генерал-губернаторы, военные и гражданские губернаторы, генералы и адмиралы. Приступая к первому изданию «Алфавита», Б. Л. Модзалевский и А. А. Сивере писали в 1924 г.: «На поприще гражданской и военной государственной деятельности из числа “прикосновенных”, внесенных в “Алфавит”, отличились весьма и весьма многие, достигнув высоких степеней почета и известности...» [Декабристы, 1988, 404]. В опубликованных двадцатью годами ранее воспоминаниях декабриста Д. И. Завалишина подобное же наблюдение дополнено политической характеристикой: «...многие из уцелевших членов общества достигли высших положений и не могли не внести в правительственную сферу своих прежних либеральных понятий» [Завалишин, 2003, 187].

В настоящей работе будут рассмотрены действия ряда бывших членов тайных обществ декабристов, вынужденных в соответствии со своим новым высоким служебным положением заниматься усмирением крестьянских выступлений.

Вероятно, первым в такой ситуации в николаевскую эпоху оказался бывший член Союза благоденствия и Военного общества Лев Алексеевич Перовский, перешедший на службу в Департамент уделов в 1826 г. Ситуация осложнялась тем, что волнения явились крестьянским ответом на его собственные административные инициативы. Ключевым моментом затеянной им реформы удельной деревни стало введение общественной запашки. Собранный на общественных полях хлеб составлял продовольственные запасы на случай неурожая. Его излишки продавались, а вырученные деньги расходовались на покупку породистого скота, внедрение новых агрономических технологий, устройство сельских школ, больниц и ветеринарных пунктов. Важной мерой стала также замена подушного оброка поземельным. Земли, превышавшие установленную норму, изымались и сдавались крестьянам в аренду за дополнительную плату. Наконец, был произведен взаимный обмен части удельных и государственных земель с целью концентрации и укрупнения удельных имений. С помощью этих мероприятий предполагалось достичь более равномерного распределения земли между крестьянами, поднять урожайность зернового хозяйства, а следовательно, доходность удельной деревни в целом.

Однако уже в 1828 г. начались выступления удельных крестьян против «отрезков» и общественной запашки. Первыми поднялись 1,5 тыс. крестьян Качкинско-го приказа Вятской губернии. В 1830 г. волновались 2 тыс. костромских крестьян, а в саратовских селениях отказались платить новый поземельный сбор. В 1831 г. волнения охватили Сарапульский уезд Вятской губернии.

26 июля 1831 г. коллежский асессор А. П. Найденов доносил вице-президенту Департамента уделов Л. А. Перовскому, что «во всем удельном имении Сарапульского уезда мятеж возник до высочайшей степени и что буйная чернь самовольно устранил голов и писарей, составляет свое правление и на тайных сходках уничтожает все постановления о поземельном сборе, не признавая над собою никакой власти» [Крестьянское движение в России..., 1961, 205]. Дело завершилось 10 мая 1832 г., когда Комитет министров и император утвердили предложение Л. А. Пе-

ровского о наказании участников волнения: 4 крестьянина проговаривались к шпицрутенам с последующей отдачей в крепостные арестанты, 6 — к битью плетьюми и ссылке в Сибирь на поселение, 14 — к батогам и 27 — к двухнедельным арестам при удельных приказах с употреблением в работы. 24 августа 1832 г. приговор был приведен в исполнение [см.: Крестьянское движение в России..., 1961, 658].

Еще больший протест реформа вызвала у государственных крестьян, опасавшихся перевода в удельное ведомство. Первый же такой перевод, имевший место в 1829 г. в Симбирской губернии, наэлектризовал обстановку не только в Поволжье, но и на Урале. Государственные крестьяне пользовались более широкими, чем прочие категории крестьян, правами в хозяйственной деятельности, имели больше возможностей перехода в другие сословия или переселения в другие местности. Многие государственные крестьяне, в частности на Урале, находились на оброке, что также существенно облегчало их положение по сравнению с барщинными крестьянами [см.: Яровой, 1969, 86]. Перевод «в удел», в их представлении, уподоблялся закрепощению.

В 1830 г. пермские государственные крестьяне сочли увеличение норм сбора «запасного хлеба» и замену на официальных бумагах «орла» государственной печати «медведем» пермского губернского герба доказательствами передачи их «в удел». Дальнейшие события способствовали росту напряженности. В 1830—1831 гг. по России прокатилась холерная эпидемия, в 1832—1833 гг. — неурожай. Осенью 1834 г. начались волнения в Пермской губернии. Апогей их пришелся на лето 1835 г., когда в Кунгурском уезде между восставшими крестьянами и войсками развернулось настоящее сражение. Затем волнение перекинулось в Оренбургскую губернию, где восстало население башкирских кантонов [см., например: Дружинин, 1946, 225—234; История СССР..., 1967, 284—285; История Урала..., 1989, 448—449; Крестьянское движение в России..., 1961, 260—283].

Академик Н. М. Дружинин так характеризовал реформу удельной деревни: «Крепостническая реформа Перовского была типичным продуктом периода (разрядка наша. — В. Ш.): приспособляясь к условиям товарно-денежного хозяйства, удельное ведомство старалось укрепить свою земельную базу и, сохранив феодальные способы эксплуатации, распространить среди крестьян рациональные методы сельского хозяйства» [История СССР..., 1967, 284]. На наш взгляд, вопрос о том, укрепляли ли подобные реформы крепостную систему или вели к ее постепенному ослаблению, — тема дискуссионная. Спорным представляется и замечание историка А. В. Предтеченского о том, что в результате реформы Перовского «положение крестьян ухудшилось» [Предтеченский, 1961, 15].

В высших слоях российского общества было распространено мнение, что реформа Л. А. Перовского, несмотря на еще небогатый административный опыт реформатора, в основном удалась и что крестьяне от ее проведения только выиграли. Агент-литератор Ф. В. Булгарин писал в 1848 г. управляющему III Отделения Л. В. Дубельту: «Для меня Перовский совершенно чуждый человек, но если б он был враг мой, я сказал бы, по совести, что он довел удельных крестьян до высшей степени благоденствия — не соблазняя крестьян помещичьих, а, так сказать, тихо-

молком: завел общую запашку, общественный капитал, уничтожил взятки, дав управителям честные средства к приобретению, положив проценты в их пользу от каждого улучшения и т. п.» [Видок Фиглярин, 1998, 562]. Еще раньше «попечительную» реформу Л. А. Перовского весьма положительно оценил сам император Николай I, предложив ее как образец для работы Секретного комитета 1835 г., собранного «для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий». Последний, как известно, дал старт реформе государственной деревни, принципы которой были предложены графом П. Д. Киселевым и в значительной степени совпадали с мероприятиями Л. А. Перовского в деревне удельной (равномерное распределение крестьянской земли, перевод на денежный оброк, создание органов крестьянского самоуправления, открытие школ, больниц, ветеринарных пунктов, распространение агротехнических знаний). В дальнейшем те же нормы предполагалось распространить и на помещичью деревню [см.: Мироненко, 1990, 103—104].

Генерал П. Д. Киселев, возглавивший созданное 26 декабря 1837 г. Министерство государственных имуществ, имел прочную репутацию либерала. В свое время он покровительствовал П. И. Пестелю, а князя С. Г. Волконского даже предупредил о раскрытии тайного общества правительственными агентами [см.: Экштут, 1994, 100—107]. В 1841 г. Л. А. Перовский пошел на повышение, став министром внутренних дел. И едва ли не первым серьезным испытанием, с которым ему пришлось столкнуться в новом качестве, оказались так называемые «картофельные бунты», ставшие ответом государственных крестьян на реформу Киселева.

Под лозунгами недоверия нововведениям весной 1841 г. прошли волнения государственных крестьян Осинского уезда Пермской губернии. Следующей весной бунты вспыхнули в Камышловском, Ирбитском, Екатеринбургском и Шадринском уездах.

В 1842 г. в эти события оказался втянутым еще один бывший член Союза благоденствия — главный начальник горных заводов Уральского хребта генерал-лейтенант Владимир Андреевич Глинка. По просьбе земской полиции и окружного управления государственных имуществ он отправил на усмирение камышловских крестьян роту солдат «с полным числом офицеров и унтер-офицеров» и при двух артиллерийских орудиях [Горловский, Пятницкий, 1954, 267; Город старинный..., 2004, 52—53]. Вопрос не имел отношения к горному ведомству, но под командованием В. А. Глинки состояли три линейных батальона — самая грозная воинская сила в Пермской губернии. Объясняя участие в подавлении крестьянского выступления, он писал: «Своими действиями и поступками крестьяне опровергали все постановления верховной власти и проекта учреждения об управлении государственными имуществами и требовали, чтоб порядок управления крестьянами был установлен по прежним законам» [цит. по: Дружинин, 1958, 479].

В приказе командиру Оренбургского линейного батальона № 8 подполковнику С. В. Пашенко В. А. Глинка предписывал: «1) по прибытии на место исполнять все законные требования асессора палаты государственных имуществ Золотницкого и членов камышловских земской полиции, окружного управления и уездного страпчего; 2) охранять всеми мерами команду от всяких оскорблений и опасное-

тей; 3) употреблять силу оружия только в последней крайности» [РГИА, ф. 44, оп. 2, д. 1207, л. 1 об. — 2].

И все же главные события «картофельных бунтов» развернулись в следующем (1843) году. Оренбургский военный губернатор Владимир Афанасьевич Обручев (согласно воспоминаниям князя С. П. Трубецкого, также бывший член декабристского общества [см.: Декабристы, 1988, 213; Ильин, 2001, 402—403; 452—453]) писал Л. А. Перовскому: «Ко мне поступило в одно время два донесения Челябинского земского суда от 13 и 18 сего марта, из которых видно, что между государственными крестьянами того уезда... возникла молва, что они поверстаны без Высочайшей воли государя императора в помещичьи крестьяне, что вследствие того собираются в ночное время в разным местах толпами, трактуя между собою, что разведение картофеля и общественная запашка требуются не для их пользы, а в угодность будущего их владельца...» [Крестьянское движение в России..., 1961, 482]. Поводом к началу волнений послужило недоразумение: в Челябинском уездном казначействе из-за организационных накладок не приняли собранные подати. Крестьяне решили, что передача помещику уже состоялась [Губернаторы Оренбургского края, 1999, 218—219].

Одновременно движение государственных крестьян началось и в соседней Пермской губернии. Уже 19 марта земский исправник Р. А. Черносвитов сообщил В. А. Глинке, что «происходит между крестьянами неповиновение властям на границе Шадринского уезда» и «в нескольких местах уже были ночные сборища» [цит. по: Горловский, Пятницкий, 1954, 267].

2 апреля В. А. Обручев предписал наказному атаману Оренбургского казачьего войска графу Н. Е. Цукато: «По случаю возникших в Челябинском уезде между государственными крестьянами беспорядков от нелепых толков обращения их в помещичьи владения... в случае требования гражданским начальством воинских команд для приведения в порядок крестьян, наряжать немедленно таковые из тех частей вверенного вам войска, которые ближе расположены к местам происшествия» [цит. по: Кривошеков, 1912, 193]. 6 апреля он же заверил Л. А. Перовского, что в случае надобности готов «сам выехать на место для принятия мер, какие по обстоятельствам окажутся необходимыми» [Крестьянское движение в России..., 1961, 484, 486]. Такая необходимость возникла почти тотчас, поскольку уже 6—7 апреля крестьяне вытеснили казачий отряд из слободы Куртамыш. Обручев поспешил в Челябинск, приказав Цукато: «Для прекращения беспорядков, возникших между взволновавшимися крестьянами Челябинского уезда, собирающимися большими массами с намерением вступить в бой с командами, отряженными для их усмирения, собрать по возможности значительные отряды из войск, расположенных в сем и Троицком уезде... При усмирении мятежных крестьян сила оружия должна быть употребляема не иначе как по самой сущей необходимости и по личным вашим приказаниям» [цит. по: Кривошеков, 1912, 195].

Накалилась обстановка и на юго-востоке Пермской губернии. 8 апреля Р. А. Черносвитов вновь докладывал В. А. Глинке, что в крестьянской среде «повыилось уже беспокойство», что в соседнем Челябинском уезде «возмущения дошли

до высочайшей степени, и несколько уже дней продолжается буйство и даже истязания начальников» [цит. по: Горловский, Пятницкий, 1954, 267]. Вероятно, непосредственно после отправки этой бумаги исправник поехал «вместе с окружным начальником в село Батуриное в сопровождении командированных шадринским инвалидным начальником 30 человек вооруженной команды, вместе с тем земский суд сделал распоряжение об отправке на место временному отделению» [Крестьянское движение в России..., 1961, 486]. Начальник горно-заводского края решил, что настала пора принимать решительные меры и отдал соответствующий приказ командиру Оренбургского линейного батальона № 8. В ответ С. В. Пашенко рапортовал, что «3 рота... в составе 3 обер-офицеров, 18 унтер-офицеров и 4 барабанщиков, 200 рядовых... с одним орудием... выступила в город Шадринск для приведения в повиновение бунтующих в тамошнем уезде крестьян» [цит. по: Горловский, Пятницкий, 1954, 267].

Рапорт С. В. Пашенко датирован 12 апреля, между тем в Батурином отряд Р. А. Черносвитова подвергся нападению многократно превосходящих крестьянских сил уже 8 апреля. Удерживая в продолжение нескольких суток круговую оборону в здании церкви и испытывая острую нехватку патронов, продовольствия и воды, осажденные «положили ожидать тут воинской команды из Екатеринбурга». «Помощь эту ожидал я не далее 11-го, ибо от 8-го просил я генерал-лейтенанта Глинку командировать в уезд команду», — рассуждал Р. А. Черносвитов [Крестьянское движение в России..., 1961, 489]. Пермский губернатор И. И. Огарев доносил Л. А. Перовскому чуть позже о батуринских событиях: «Посланная по распоряжению земского суда команда из 70 человек казаков ближайшего башкирского кантона... бунтующими крестьянами была рассеяна, 3 казака убиты, а один неизвестно где находится, и лишь по прибытии 14 числа апреля отряженной по донесению исправника главным начальником горных заводов хребта Уральского г. генерал-лейтенантом Глинкой роты солдат Оренбургского линейного батальона № 8 при одном трехфунтовом единороге толпа бунтующих крестьян рассеялась и чиновники с командою и другими укрывавшимися в церкви людьми освобождены» [Крестьянское движение в России..., 1961, 494].

Тем временем беспокойство начали проявлять государственные крестьяне еще одной близлежащей губернии — Тобольской. Генерал-губернатор Западной Сибири П. Д. Горчаков уверял Л. А. Перовского, что крупных волнений удалось избежать благодаря его личной поездке «в центр беспокойств», где он убедил «благоразумных крестьян из всех сомнительных волостей... сколь безрассудны дошедшие до них толки, каких последствий не избегнут неповинующиеся их соседи, и окончательно успокоил обещанием не преследовать за бывшее между ними недоразумение» [Там же, 500, 501]. Ссылный декабрист барон В. И. Штейнгель видел в мирном разрешении напряженной ситуации свою заслугу, которой способствовали его давние добрые отношения с тобольским гражданским губернатором М. В. Ладыженским: «Ладыженский попросил меня написать к народу остерегающую прокламацию народным вразумительным языком и потом еще две кратких, но сильных. Они подействовали. Генерал-губернатору Западной Сибири кня-

зю П. Д. Горчакову не понравилось, что удержание спокойствия стали приписывать губернатору, и так как прокламации были составлены мною, то он предписал отослать меня в Тару, сообщив Бенкендорфу, что Штейнгель занимается редакцией бумаг у губернатора и потому имеет влияние на управление губернии, что он находит неприличным» [Сибирские и тобольские губернаторы, 2000, 270; см. об этом также: Штейнгель, 1985, 138—139].

16 апреля пермский гражданский губернатор И. И. Огарев отправил Л. А. Перовскому тревожное донесение и в тот же день выехал в объятый мятежом Шадринский уезд. Более всего губернатор опасался проникновения на вверенную ему территорию «челябинских бунтовщиков», а потому «отправился 21 числа апреля с ротой солдат в пограничную дер. Галкину». Затем во главе другой роты, переданной в его распоряжение В. А. Глинкой, он проследовал в Бродокалмацкую и Каргапольскую волости. Понимая, что «тишина и спокойствие» в Шадринском уезде зависят от обстановки в Оренбуржье, И. И. Огарев приостановил свой поход лишь после того, как «от г. генерал-лейтенанта Глинки» узнал, что «оренбургский военный губернатор к 24 апреля назначил собраться в разных пунктах 3 сильным отрядам пехоты и кавалерии» [Крестьянское движение в России..., 1961, 494—498].

Действительно, с 24 по 29 апреля отряды под командованием военного губернатора Обручева, генерал-майора Цукато, полковника Радена и подполковника Балкашина совершили рейд по бунтовавшим селениям государственных крестьян. Сообщение корреспондента Оренбургской ученой архивной комиссии А. И. Кривошекова о том, что при взятии слободы Каменной, в которой было «гнездо возмущения» и собралось до пяти тысяч бунтарей, артиллерия открывала холостой огонь [см.: Кривошеков, 1912, 200], опровергается самим В. А. Обручевым: «...я заключил, что хотя крестьяне и собираются вооруженными толпами, терзают некоторых своих ближайших начальников, но они руководимы при этом не прямым желанием зла или ниспровержения властей, а единственно страхом и недоумением по поводу ложных указов о поступлении их в помещичье владение, о чем они лично мне объявили, что единственное их счастье — быть государственными, а по их выражению — государевыми, крестьянами. ...Вследствие сего я предписал всем отрядным начальникам действовать более убеждениями, советами, стараясь разъяснить недоумения настоящим изложением дела и щадя заблуждение, отнюдь не употреблять силу оружия, разве принудила бы их к тому явная опасность или крайняя необходимость». О том, как его подчиненные справились с приказом, В. А. Обручев докладывал с удовлетворением: «Таким образом без выстрела в течение 6 дней 40 000 крестьян волновавшихся волостей на пространстве 100 верст были усмирены и приведены в надлежащее повиновение, и я имею уже донесение, что везде сельские управления... возымели свое обыкновенное действие, а крестьяне сами приводят виновных» [Крестьянское движение в России..., 1961, 500, 503].

Для закрепления успеха В. А. Обручев распорядился оставить небольшие воинские команды в каждой из бунтовавших волостей. В некоторых селениях воен-

нослужащие оставались на полном содержании жителей до полугода. Участники крестьянских волнений в Пермской и Оренбургской губерниях были преданы военному суду. После смягчения приговора Л. А. Перовским и утверждения его Комитетом министров 19 сентября 1844 г. 32 пермских крестьянина подверглись наказанию шпицрутенами через 1,5 тыс. человек с последующей ссылкой в каторжные работы, 201 — наказанию шпицрутенами через 1 тыс. человек, из них 90 — с последующей отдачей в солдаты или ссылкой на поселение в Сибирь, 40 — наказанию 100 ударами розг. Челябинцев наказали мягче: 30 человек получили от 500 до 1 500 ударов шпицрутенами, после чего 6 из них были отправлены на каторжные работы, а остальные — в ссылку или в рекруты, несколько крестьян были наказаны розгами и сосланы в Сибирь [см.: Крестьянское движение в России..., 1961, 682].

Подведем некоторые итоги. Путь реформ воспринимался декабристами как антитеза не столько революционному перевороту, сколько народному бунту. Вспоминая начало декабристского движения, князь С. П. Трубецкой писал: «Должно было представлять помещикам, что рано или поздно крестьяне будут свободны, что гораздо полезнее помещикам самим их освободить, потому что тогда они могут заключить с ними выгодные для себя условия, что если помещики будут упорствовать, то крестьяне могут вырвать у них свободу, и тогда отечество может быть на краю бездны. С восстанием крестьян неминуемо соединены будут ужасы, которых никакое воображение представить себе не может, и государство сделается жертвою раздоров и может быть добычею честолюбцев; наконец, может распасться на части и из одного сильного государства обратится в разные слабые. Вся слава и сила России может погибнуть, если не навсегда, то на многие века» [Трубецкой, 1981, 28].

Но, желая блага угнетенным соотечественникам, декабристы не были настроены на равноправный диалог с ними. Характерен пример одного из основателей декабристского движения И. Д. Якушкина, который, выйдя в отставку в 1818 г., затеял в своем смоленском имении разговор с крестьянами о перспективах освобождения. Первый же вопрос земледельцев касался прав собственности на землю. «“Земля, которою мы теперь владеем, будет принадлежать нам или нет?” — Я им отвечал, что земля будет принадлежать мне, но что они будут властны ее нанимать у меня. — “Ну так, батюшка, оставайся все по-старому: мы ваши, а земля наша”. Напрасно я старался им объяснить всю выгоду независимости, которую доставит им освобождение», — восклицал декабрист в мемуарах, написанных уже после возвращения из сибирской ссылки [Якушкин, 1905, 32].

Подобная же логика прослеживается и в действиях бывших членов тайных обществ, занявших влиятельные посты в николаевскую эпоху. Отказавшись от надежд на скорую отмену крепостного права, они сделали ставку на реформы, улучшавшие положение крестьян. Негативную реакцию крестьянства на эти реформы бывшие декабристы объясняли непониманием позитивного содержания выдвигаемых инициатив. Соответственно они старались «действовать более убеждениями», но «в последней крайности» считали возможным применить и «силу оружия», ибо на кону, по их мнению, стояла «вся слава и сила России».

- Видок* Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение. М., 1998.
- Горловский М. А., Пятницкий А. Н.* Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954.
- Город* старинный — провинции остров: Камышлов. Екатеринбург, 2004.
- Губернаторы* Оренбургского края. Оренбург, 1999.
- Декабристы*: Биогр. справочник. М., 1988.
- Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1. М., 1946; Т. 2. М., 1958.
- Завалишин Д.* Воспоминания. М., 2003.
- Ильин П. В.* Безвестные декабристы // 14 декабря 1825 года. Вып. 4. СПб.; Кишинев, 2001.
- История СССР* с древнейших времен до наших дней. Т. 4. М., 1967.
- История Урала* с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.
- Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. М., 1961.
- Кривошеков А.* Крестьянский бунт в Челябинском уезде // Вести. Оренбург. учеб. округа. Уфа, 1912. № 6.
- Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990.
- Предтеченский А. В.* [Предисл.] // Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. М., 1961.
- Сибирские и тобольские губернаторы*: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000.
- Трубецкой С. П.* Записки // Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981.
- Штейгель В. И.* Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск, 1985.
- Экштут С. А.* В поиске исторической альтернативы. М., 1994.
- Экштут С.* Новорожденная свобода // Родина. 1996. № 2.
- Якушкин И. Д.* Записки. М., 1905.
- Яровой Г. В.* Борьба государственных крестьян Урала за землю в первой половине XIX в. // Вопр. истории Урала. Сб. 8. Свердловск, 1969.

Ю. Ю. Юмашева

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОСОПОГРАФИИ

Развитие отечественной исторической науки в последние десятилетия характеризовалось резким отказом от проверенных философско-теоретических постулатов, поиском и апробацией новых подходов и теорий, позволяющих расширить и углубить изучение исторического процесса. Одной из наиболее распространенных характеристик, применяемых к анализу данного периода, является так называемый «кризис исторической науки». В это понятие исследователи вкладывают порой диаметрально противоположные смыслы. Однако наиболее продуктивной трактовкой этого понятия, не только содержащей в себе констатацию данного факта, но и намечающей пути его преодоления, является, на наш взгляд, трактовка, данная И. Д. Ковальченко в его последней опубликованной при жизни работе: «Под кризисом мы имеем в виду... не застой или упадок в ее развитии... а такую поляризацию теоретико-методологических взглядов и подходов, а следовательно, и конкретно-исторических концепций, которая во многих аспектах разрывает единство коренной сущности исторического познания» [Ковальченко, 2003, 454]. Из